

Тонино ГУЭРРА:

Надо изобрести вечный хлеб для души

Такой совет дает известный итальянский киносценарист

БЫЛО это, кажется, вечность назад. Отец и мать Тонино вставали за полночь, умывались, запрягали лошадей в телегу, нагруженную с вечера овощами и фруктами, и отправлялись из Сант-Арканджело в Бенабилли. Продав там на городской площади товар, они покупали угля, дрова, соль и возвращались домой. Для маленького Тонино такое путешествие походило на восхождение в горы, хотя Сант-Арканджело возвышается над уровнем моря всего-то на 600 метров. Глазам открывались отсюда зелено-синие дали, волновавшие мальчика и манившие из дома.

Минуло лет 70. Пройдя большую часть жизненного пути, став известным всему миру киносценаристом, Тонино Гуэрра вернулся на свою «гору», поселился в доме, где с крыльца открывается вид на те же зелено-синие дали. Глядя на них теперь, Тонино перебирает в памяти прожитые годы, вспоминает о ситуациях, людях, без которых жизнь была бы другой.

— Первыми самыми длинными в моей жизни были 10 километров, разделяющие Сант-Арканджело и Римини, куда люди ходили обычно показаться врачу, полечить зубы. Редко поэтому кто-то вспоминал тот путь с радостью. Но что говорить об этом сейчас, когда автомобили и самолеты настолько сократили расстояния, что сам мир, кажется, уменьшился.

Родившись в семье мелкого торговца, Тонино в своем образовании не мог положиться на родителей. Мать была неграмотной женщиной, отец тоже не окончил университетов. Поэтому Тонино рисовал и сочинял стихи, подталкиваемый, скорее, природой. По-настоящему ощущение слова пришло в немецком плену, где он оказался вместе со своими земляками из Романьи. На областном диалекте — «романьо» он и сочинял стихи. Они нравились пленным, поддерживали их дух. А в мирное время приглянулись и издателям. Сейчас опубликованы семь книг на итальянском языке и семь — на диалекте.

— Судьба свела меня в те годы с Паоло Пазолини, — рассказывает сынор Гуэрра. — Он также писал на «романьо». Вдвоем мы пытались передать на языке диалекта ощущение современности. Мы любили в те годы Унгаретти, Блока, Есенина, и эти новые ритмы стремились привести в диалект «романьо», распространенный в обла-

сти Эмилья-Романьи. В прошлом эти земли граничили с территорией варваров. Здесь проходил рубикон, за ним были галлы. Они-то и называли наших предков — романьолы, то есть относящиеся к Риму.

Поэзия способствовала встрече Тонино Гуэрра с кино.

— Кажется, около 1950 года, — вспоминает он, — в Сант-Арканджело приехали молодой режиссер Казадди и сценарист Элио Петри. Услышав, что я пишу стихи на «романьо», они обратились ко мне за консультацией. Отношения завязались настолько творческие, что я переехал в Рим. Снятый тогда фильм назывался «Гектар». Потом, когда Петри сам стал режиссером, я написал сценарии к его фильмам «Считанные дни», «Убийца» с участием Марчелло Мастоияни.

В Риме Тонино Гуэрра подружился со многими талантливыми людьми. К примеру, с режиссером Микельанджело Антониони. Сценарии к его семи фильмам, таким, как «Приключение», «Ночь», «Блоу-ап», вошли в золотой фонд итальянского киноискусства.

— К сожалению, Антониони в последние годы очень болен, практически не говорит. Какой он?

— Это один из великих режиссеров современности. Он научил кино многому. Его персонажи ходят, передвигаются, но порой создается впечатление, что они неподвижны. У него нет той энергии, что есть у Феллини. У Антониони даже во время сражения все кажется заблокированным, заторможенным. И все-таки движение есть, иначе сцены окаменели бы. В жизни он оставался добрейшим человеком. Когда работали вместе, то, прежде чем начать писать новый сценарий, Антониони испытывал потребность придумать какую-нибудь новую игру. Но, конечно, работа сопровождалась серьезным изучением исторического материала. Он первым делом шел в музеи, знакомился с живописью, изучал фотографии.

— А Федерико Феллини, с которым вы много работали, разве он не оставил в вашей жизни следа?

— Феллини — гений нашего века. Может быть, немного устаревший — все-таки нелегко более 30 лет идти одному в мире кинематографа. Когда слышу: «Феллини повторяется» или «он сбился с пути» и так далее, то не хочу даже высказываться на сей счет. Мне смешны такие суждения. С ним я снял «Амаркорд», «И корабль идет», «Джинджер и Фред». Работать с

ним очень трудно, но всегда интересно.

— Говорят, Феллини очень весел на съемках, часто шутит?

— Федерико знает, чего хочет добиться. В момент паузы на съемках, когда со стороны кажется, что он отвлекается, шутит, разговаривает, атмосфера похожа на атмосферу оркестра: подобно музыкантам, актеры ждут движений его рук. Все его поведение нацелено в такие моменты на достижение желаемого результата. Он всегда ищет лучшего решения для сцены, и если она не получается, исключает ее безжалостно. Я думаю, он знает характеры актеров, изучает их, поэтому, когда надо быть твердым, Феллини им становится. Или наоборот — смягчается.

— Антониони, Феллини, Тарковский, Ангелопулос, Де Сика. Шесть представителей на «Оскара», один «Оскар» выигранный. Призы в Каннах, в Венеции...

— Да, я общался с большими режиссерами и надеюсь в чем-то помог им.

— Теперь, когда вы достигли вершин в искусстве, ответьте на вопрос: какое место занимает культура в жизни людей?

— Она теряет почву как на Западе, так и в России. Я помню еще времена, когда в России люди умственного труда, встречаясь, читали друг другу стихи. Сейчас «культурой» стали деньги — большинство людей смотрят на них завороченно. Человек становится роботом в мире мнимых ценностей. И, что самое страшное — утрачивает коллективную мечту. Думаю, главное предназначение людей, любящих поэзию, культуру, тех, кто просто любит других людей, — это поиск коллективной мечты, идеала.

— Когда вы творите, не опасаетесь, что написанное вами никем не прочтется, забудется?

— Я прежде всего стремлюсь выразить свои мысли, чувства, сказать то, что знаю. Первый результат работы важен прежде всего для меня самого. Счастье, если что-то из написанного доходит также до других людей. Если же все, что сделал, умрет вместе со мной, то кто-нибудь простит меня за труды, в которые я вложил всю свою жизнь. Надеюсь, что люди сохранят по крайней мере созданные мною «Каменный сад» и «Сад забытых фруктов». Поэзия, культура, красота могут жить в разных формах. Поэтическое слово сегодня не в моде, на него нет времени, все куда-то торопится. Я вообще наблюдаю тотальный декаданс во всем.

— Что бы вы хотели передать людям прежде всего?

— Духовность. Мне кажется, ее присутствие в повседневной жизни сильно уменьшилось. Приверженность деньгам доходит до бесстыдства. Усиливается индивидуализм. В душе я всегда восхищался бытием монахов, их умением жить коллективно, просто. Когда слышу: сделай сам, только ты можешь помочь себе — то думаю, что это сильное преувеличение реальной необходимости. Надо создать новую мечту, изобрести вечный хлеб для души. Не думаю, что миссию эту свершит церковь. Она сама переживает кризис. Для рождения мечты людям надо бы вновь ощутить единение, атмосферу великих слов, проникнуться помыслами великих людей...

ПОСЕТИВ «Сад забытых фруктов», я, конечно же, нашел символическую могилу Андрея Тарковского. Тонино Гуэрра выполнил ее в виде фасада капеллы из камней исчезнувших церквей. На мраморной доске надпись, посвященная российскому режиссеру.

— Тарковский помог мне, западному человеку, понять русскую душу, — сказал Тонино. — Он — талантливейший человек. Имел свои недостатки, бывал эгоистичным, но это ничто, на мой взгляд, по сравнению с тем, как он видел жизнь. Когда он находился в Италии, в нем жила ностальгия по России, по русской душе, по православной церкви. Никогда не забуду нашего путешествия по Италии в поиске атмосфер для сюжета фильма «Ностальгия». В области Марке рядом с пляжем мы набрали на небольшую церковь белого цвета. Он потянул меня и мою жену к ней. Вошли, и там Тарковский увидел русскую икону. Он расплакался.

Почему я вспоминаю об этом сейчас? Надеюсь, что в России в душах людей уменьшится долларова лихорадка. Что россияне вспомнят о поэтическом кино, какое было в Советском Союзе, не будут гнаться за порнографическими лентами. Надеюсь также, что в Москве можно будет вновь ходить пешком без страха в два часа ночи. Хочу, чтобы люди России сохранили любовь к поэзии, к чтению, интерес к культуре.

Павел НЕГОИЦА,
соб. корр. «Труда».
РИМ—БЕНАБИЛЛИ.